

И. В. Русских

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**ПОЭТИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ Т. ДЖ. СМОЛЛЕТА
«РОДРИК РЭНДОМ»**

Розглянуто особливості оповідної стратегії в романі Т. Дж. Смоллета «Пригоди Родрика Рендома». У тексті, що слідує моделі біографічного життєпису, домінує наратив від першої особи. Автор і герой, які розділені дистанцією у часі, відрізняються один від одного досвідом, світоглядом, ступенем зрілості, представляють одного й того самого персонажа. Приміряючи на себе ролі молодого, імпульсивного шукача пригод і зрілого автора мемуарів, що рефлектує, Родрик Рендом «проживає» подвійний життєвий досвід. Чим старше він стає, тим краще описує індивідуальності, предмети, передає мову інших персонажів, заміщаючи власні судження описами типів, які спостерігає.

Ключові слова: автобіографізм, мемуари, візуальність, точка зору, портрети, соціальні картини.

Рассмотрены особенности повествовательной стратегии в романе Т. Дж. Смоллета «Приключения Родрика Рэндома». В тексте, следующем модели биографического жизнеописания, доминирует нарратив от первого лица, автор и герой, разделенные временной дистанцией, отличающиеся друг от друга опытом, кругозором, степенью зрелости, представляют одного и того же персонажа. Примеряя на себя роли молодого, импульсивного искателя приключений и зрелого, рефлектирующего автора мемуаров, Родрик Рэндом «проживает» двоякий жизненный опыт. Чем старше он становится, тем лучше описывает индивидуальности, предметы, передает речь других персонажей, замещая собственные суждения описаниями наблюдаемых типов.

Ключевые слова: автобиографизм, мемуары, визуальность, точка зрения, портреты, социальные картины.

The article investigates the features of the narrative strategy in T. Smollett's novel 'The Adventures of Roderick Random'. In the text that follows the model of the autobiography first person narration is used. However autobiographical elements are present in all Smollett's texts, the correspondences between Smollett's own life and that of Roderick led to the erroneous identification of the creator and the protagonist.

The author and the hero of Smollett's first novel, separated by time distance, different in experiences, outlook, maturity, represent one the same character. Having 'worn'

the role of a young, impulsive adventurer and mature, reflective author of the memoirs, Roderick Random is 'living' double life experience. The older he gets, the better descriptions of personalities and objects he gives, the better he reproduces the speech of professional groups, substituting his opinions and judgments by descriptions of observable types. Roderick proposes portraits of individuals and tableaux of societies projecting a complex representation of a social environment.

Keywords: autobiography, memoirs, visualization, point of view, portraits, tableaux.

В каждом из своих романов Смоллет, высоко ценимый за «живость и изящество изложения» ('vivacity and elegance of expression') (Р. Андерсон, 1811), решает проблему построения повествования, исходя из многих художественных задач. Любопытно, что в то время как его техника нарратива до сих пор остается непроявленной, Смоллета не перестают превозносить за искусство фабуляции, восхвалять как «лучшего среди современников» «мастера нарратива» (Д. Хэнни, 1887), «повелителя рассказчиков» ('prince among story-tellers') (Э. Бейкер, 1937), рассматривая тексты его произведений как доказательство «неисчерпаемого источника повествовательных возможностей» (Дж. Сейнтсбери) [6, p. 207; 10, p. 135].

Дебютный роман «Приключения Родрика Рэндона» ('The Adventures of Roderick Random', 1748) во многом следует модели биографического жизнеописания. Здесь доминирует нарратив от первого лица, где автор и герой представляют одного и того же персонажа, однако между ними пролегает дистанция во времени, которая их то разводит, то соединяет. Показывая образ становящегося человека, Смоллет превратит протагониста в рассказчика, что станет его сознательным эстетическим выбором, а не столько подражанием Лесажу и следованием за современниками (Дефо, Свифтом, отчасти Ричардсоном). Смоллет учитывает позиционирование автора в роли повествователя и героя воспоминаний, отличающихся друг от друга опытом, кругозором, степенью зрелости, осведомленности о жизни. По манере повествования, слогу, избираемым темам видно, как характер Родрика Рэндона и мир его страстей со временем динамично преобразуются.

«Я» зрелого повествователя возникает тогда, когда он обобщает, рассказывает, дает оценки происходящему, проявляя себя как умудренный опытом персонаж, знаток нравов, оценивающий поведение, проницательно замечающий типы героев. Выступая субъектом повествования, он отвечает за организацию целого, выполняет функцию комментатора, нравственного судьи своего прошлого. Он и узнает себя в герое, оказываясь героем своего повествования, и отстраняется от него, обладая явным преимуществом, которое дает ему темпоральная отдаленность, – знанием о себе самом. Родрик часто описывает себя как легко раздражающегося ('my own haughty disposition, impatient of affronts'), тщеславного, честолюбивого человека [18, p. 44; 2, с. 41, 76, 276, 286], заставляя задуматься, «являются ли такие характеристики спонтанными чувствами героя», или обобщающими суждениями, на которые он, будучи сиротой, лишенным поддержки, совершенно не способен [11, p. 106].

Примеряя на себя роли «молодого, импульсивного искателя приключений, смотрящего в будущее, и зрелого, рефлектирующего автора мемуаров, вспоминающего прошлое» [12, p. 34], Родрик Рэндон «проживает» двоякий жизненный опыт: который был и который описывает выступающий в роли автора социально и нравственно повзрослевший персонаж. Смоллет открывает культурного героя, динамичного шотландца, который становится британцем, защищает историю, приобретает определенные профессиональные навыки, постигает первоначально скрытые от его наивного взгляда социальные механизмы. Родрик Рэндон записывает, подробно фиксирует окружающую действительность. Не случайно он вводится в историческое полотно эпохи, участвует в битве при Картахене, аттестует жанр собственного сочинения не столько как «записки» ('my paper', 'my narration'), которые отражают «то мгновение, в которое написаны ... не имеют

перспективы, кроме перспективы самого момента своего создания» (А. А. Тесля), сколько как мемуары, претендующие на подлинность и подчеркивающие внешние события [2, с. 192, 13, 6, 12; 3].

Родрик не только стремится изобразить жизнь, «помещая ее на страницы своего текста, ... передавая читателю ее вкус» (А. Кэтл, 1951), но и пытается показать процесс становления своей личности, выбирая материал, характеризующий его и как антигероя, и как героя. «Сбившийся с пути искатель приключений» (Дж. Бизли, 1985), все время вращающийся в границах этики, «не слишком обремененный моральными правилами» (Г. И. Макарова, 1984), «с обилием слабостей, но достаточно нравственный» (Д. Дейчес, 1974) рассказывает собственную «моральную историю» (Дж. Бизли, 1985), «не просто приключенческую, а, прежде всего, историю воспитания жизнью» (П.-Г. Бусе, 1976), преобразуя «бессвязные путешествия пикаро в серьезный поиск мирского и духовного счастья» (Т. Престон, 1975) [11, р. 102, 100; 8, р. 115, 101; 14, р. 71]. В эволюции характера Родрика Рэндома, осмысливающего внутренние и внешние регуляторы собственного поведения, не будет абсолютной доминанты случая, в событиях постепенно выступают мотивировки, которые скрепляют последовательность эпизодов и объединяются в тематические блоки. Так, важной оказывается тема сиротства, беззащитности, атмосферы безразличия, где растет Родрик Рэндом, появившийся на свет у родителей, которые потом расплатятся за свою слабость, не имея перед ним обязательств из-за трагических причин: мать, заболев, уходит из жизни, а отец исчезает, не пережив семейной катастрофы. В молодые годы он узнает жестокость, издевательства и проявит характер, попытается бороться с уготовленной ему судьбой и благодаря заступничеству дяди, морского бывалого человека с теплым сердцем, независимым нравом, получит поддержку и опеку. Весьма добродушный, Родрик «начинает собственные приключения, вооружившись идеалами, которые оказываются неиссякаемым источником его негодования по поводу порочности мира» [7, р. 115]. Не случайно, он «прокладывает себе путь нравственной гордыней и негодованием, а не изобретательностью, хитростью, жадной наживы, которое являются сущностью героя-пикаро» [12, р. 30]. Он обучается профессии и изучает нравы («... I deemed myself sufficiently master of my business»), осознавая, что родные люди могут быть более чужими, нежели незнакомцы [18, р. 53]. Попытка найти себя и попытаться счастья в столице, где его упрекают в незнании мира («He answered, I was but a young man and did not know the world»), окажется опытом человека, стоящего у порога, не допущенного ни в какое из устойчивых социальных пространств [18, р. 59]. Первоначальное «отсутствие цели порождает огромное разнообразие в его приключениях» [8, р. 5]. Выброшенный и обманутый, он попадает на военный корабль, вводится в историческое полотно и становится статистом истории, дегероизирует опыт войны, «каталогизируя избиения, болезни, предательства, обман» (Д. Дейчес, 1960), не щадя читателя натурализмом деталей («After all, a sufficient number remained to fall before the walls of St. Lazar, where they behaved like their own country mastiffs, which shut their eyes, run into the jaws of a bear, and have their heads crushed for their valour») [18, р. 108]. «Неудачи юности научают его навыкам наблюдения», а опыт странничества по Европе закаляет характер [11, р. 107]. Избрав «ведущую повествовательную форму XVIII в.» [1], Смоллет предоставит на суд читателя текст, поражающий автобиографическими сходениями с жизнью реального автора настолько, что его путь на протяжении двух столетий станет для многих исследователей (Р. Андерсона, 1795, 1811; Дж. Мура, 1797; В. Скотта, 1851) протосюжетом, а его личность – прототипом главного героя. И Смоллет, и его протагонист будут переживать семейные неурядицы из-за романтической легкомысленности отца, оказавшись в роли нищего родственника, «младшего сына младшего сына» (Littell's Living Age, 1858), зависящего от богатой родни; они «отправятся в Лондон, гордясь собственным проис-

хождением и нуждаясь в средствах» (J. Lewis, 2003), будут скитаться по миру; получив должность морского хирурга на английском военном корабле, примут участие в военных походах (Carthage Expedition, 1741), выберут себе спутниц с не очень благополучным финансовым состоянием [11, р. 42]. Испытывая «настоятельную потребность выписывать в работах свой портрет», двадцатисемилетний Смоллет выведет на страницы романа героя, который «бесспорно» несет на себе печать опыта своего создателя, в том числе и в эмоциональном плане [11, р. 40, 42; 8, р. 3].

«Я» героя, который непосредственно увлечен потоком жизни, имеет свой яркий психологический рисунок. Спектр чувств, состоящий из набора обид, несдержанности, смелости, дерзости, упрямства, «глупого самодовольства», изобретательности в проделках, ведет его то на сострадание, то на глупые, тщеславные поступки, свидетельствуя об импульсивности, необузданности нрава [2, с. 320]. Смоллетовский герой предстает то как жертва обстоятельств, страдающий от беспечности отца, бессердечности и непреклонности деда, от которого его «ловко» отстраняют многочисленные родственники, то становится героем проделок, и тогда впервые называет себя по имени («... Roderick Random (be which name I was born)...») (глава II), вопреки разным формам мучительств, оказывается умным и отважным, лучшим учеником в школе и предводителем мальчишеского отряда, научаясь на зло отвечать злом [18, р. 45]. Высокородный, но унижаемый всеми, он не столько рассказывает свои приключения, сколько пересказывает обиды и обвинения, анализирует не обстоятельства, а комментирует то, что было в его душе («... the more my years and knowledge increased, the more I perceived the injustice and barbarity of his behaviour»), «вскрывая» свой внутренний мир, пропуская действие сквозь призму собственного восприятия [18, р. 45]. Поведение Родрика Рэндома описано с точки зрения его самого: фиксируются чувства, мысли, переживания, мотивация собственных поступков («Without troubling the reader with an account of the effect which this surprising generosity had upon my mind...») [18, р. 183]. В то же время, рассказывая свою историю, исповедальную и обличительную, он прибегает к точке зрения постороннего наблюдателя, употребляет слова отстранения («вероятно», «можно допустить», «мне кажется», «может быть») там, где не может знать наверняка, что происходит в душе других персонажей («Whether this hard-hearted judge felt any remorse for his cruel treatment of his son and daughter, or (which is more probable) was afraid his character would suffer in the neighbourhood...») [18, р. 44; 2, с. 13, 39, 41, 227, 240].

Любопытно, что картины, увиденные глазами героя и рассказчика, то совмещаются, и обе фигуры оказываются почти не различимыми, то разводятся, и тогда герой выступает уже не носителем, а предметом оценки. Родрик Рэндом, как автор мемуаров, смотрит на свою жизнь из определенной точки настоящего, оценивает события прошлого из настоящего, предлагая читателю «повествование, осмысливающее его положение в тот момент, когда он писал его» [4, с. 120]. При этом имеет место двойная перспектива: рассказчик знает то, чего не может еще знать герой и читатель («That such was the situation of their thoughts will appear in the sequel...»), наделенный высокими качествами: чувствительностью, великодушием, умом [18, р. 79; 2, с. 5–6]. И хотя он вовсе не назойлив¹, создателю мемуаров важен диалог с читателем, который вовлечен в события («... you might easily perceive...»), а не в лабиринт рассуждений; получает удовольствие от прочтения, где нет назидательности, где в избытке дана непрерывная цепочка неожиданных происшествий, резких сюжетных поворотов, непредвиденных опасностей, подстерегающих героя [18, р. 45]. Как в калейдоскопе, быстро меняются ретроспективные эпизоды, объясняющие воссоединения персонажей (со Стрэпом, Баулингом, Морганом),

¹ В романе 11 обращений к читателю.

включаются вставные истории (история мисс Уильямс – главы XXII–XXIII; история Мелопойна – главы LXII–LXIII), в роли слушателя которых выступает автор, чья фигура расщепляется на женские и мужские «авторские маски».

Чем старше становится персонаж и чем больше он перемещается, тем меньше комментариев и обобщений о накопленном жизненном опыте он дает, замещая субъективные картины объективными, некоторые из которых исследователи оценят как «прямые публицистические вставки», помещенные в «художественную ткань романа» [5, с. 43]. Любопытно, что жизнь Родрика Рэндома, очерчивающего в начале мемуаров траекторию собственной жизни (в виде странной метафоры «теннисного мяча»: ‘The attentive sage ... assured my parents that their first-born would be a great traveler; that he would undergo many dangers and difficulties, and at last return to his native land, where he would flourish in happiness and reputation’), отражает удивительную культурную динамику эпохи [18, р. 43]. Он следует за потоком своих соотечественников в Лондон в 1739 г. (1 ноября), где сталкивается с «пугающим одиночеством» (Дж. Бизли, 1985) и «анти-шотландским неприятием» (St. Noirard, 2010): из-за шотландского происхождения над ним насмеются, из-за внешности (ярко-рыжих волос, которых «... достаточно, чтобы поселить в человечестве неприязнь...», служащих признаком шотландскости) – потешаются, его обдаст грязью на улице кучер и даже шотландец-педагог оскорбляет Родрика Рэндома, называя его провинциальным костюм «маскарадом», а его самого – «двоюродным братом орангутанга» (‘a cousin-german of Ouran Outang’) [18, р. 66; 2, с. 48, 86, 91-92; 8, р. 3; 13, р. 9]. Прежде чем его примет лондонское общество, «патриотически уязвимый» герой легко станет добычей мошенников за карточным столом, наивный, он пока «едва ли может приспособиться и защитить себя в новом, враждебном мире» [17, р. 34; 2, с. 94-96; 13, р. 6]. Успешная интеграция протагониста в «коррупцированное лондонское общество» и культурную жизнь зависит от его способности «скрыть то, что выдает в нем шотландца», решить, «какие черты характера усовершенствовать, а какие приглушить» [13, р. 9; 16, р. 43]. Не случайно Родрик Рэндом учится терпению, осмотрительности, пытается «управлять своими мыслями», контролировать свой вспыльчивый, «высокомерный нрав, не мирившийся с обидами», быть более внимательным к собственным словам и поступкам [2, с. 312, 371, 16]. Его поведение осознанно, поскольку, попадая каждый раз в иную социальную среду, ему предстоит «неудачное движение в закрытой системе образования, политики, военной службы» [16, р. 35].

Персонаж то выныривает на поверхность истории в своих участиях в военных компаниях, странствиях по Европе, путешествии на корабле колонистов, то его жизнь складывается из чреды низких, повседневных авантур: погони за деньгами, богатыми невестами, жаждой досуга и признания. Это дает ему возможность не только приобретать опыт, но и наблюдать нравы, видеть разные типы. Любопытен размах социальных групп и профессий, которые изображает Родрик Рэндом: врачи, учителя, художники, политики, моряки, писатели, священники, прислуга, нобльмены. Знакомясь в разной среде и, таким образом, расширяя собственный кругозор, он «черпает свои полутона и нравственные качества из социального контекста», выстраивая формулу успеха, переживает физические и социальные метаморфозы: из бесприютного сироты, школяра, племянника, друга, человека, вынужденного менять личины, искать профессию, пробуящего себя в роли помощника аптекаря и хирурга, лакея, солдата, чьи «пикарескные блуждания трансформируются в историческое путешествие» (‘picaresque journey is transformed into historical voyage’), превращается в циничного авантюриста-джентльмена, жаждущего жениться по расчету, искателя успеха, а затем – в возлюбленного [15, р. 110; 17, р. 35-36]. Перелом в жизни, который происходит (встреча с Нарциссой на балу), делает возможным трансформацию Родрика Рэндома, охотника на невест, в романического героя [2, с. 415].

Как изменяются роли протагониста, так преображаются и его платья: в Шотландии, будучи лучшим учеником в школе, он одет в лохмотья, в Лондоне, где наряд «приобретает символическое значение», ему советуют изменить костюм, если он надеется чего-нибудь добиться [14, p. 76]. Метафора одежды, по мнению Т. Престона, «открывает нарастающую сложность мира» ('the world of appearances'), отвергающего Родрика Рэндома (раздетый и брошенный на берегу в Сасексе, он не вписывается в среду) ('I found myself alone in a desolate place, stripped of my clothes, money, watch, buckles, and everything but my shoes, stockings, breeches, and shirt') [14, p. 76; 18, p. 117]. Для щепетильного к внешнему виду, хорошего собой героя костюм важен как доказательство его «материальной стабильности», показатель статуса, формирования внешнего и внутреннего облика: он перечисляет, что берет с собой в Лондон, описывает свой наряд, который надевает по прибытию в столицу, указывает на составляющие гардероба-джентльмена, предлагая читателю «каталоги описаний одежды» других персонажей (Джексона, капитана Уифла) [14, p. 75; 2, с. 47, 86, 318].

Возрастающая степень понимания, раздвигающийся социальный и исторический кругозор, изменившийся взгляд на жизнь поменяют нарративную позицию автора-рассказчика, прошедшего долгий путь: «он рождается, растет, путешествует, мужает, обретает счастье и, в конце концов, записывает собственные мемуары» [9, p. 40]. Характер повествования станет более ровным, спокойным, а слог – более высоким, с оттенком торжественности ('My charming Narcissa was universally admired and loved for her beauty, affability, and good sense...', '... my soul was agonized with rapture!', '... but all my other appetites were swallowed up in the immensity of my love, which I fed by gazing incessantly on the delightful object') [18, p. 195, 163]. Он облагораживается вместе с нравственным и психологическим преображением самого Родрика Рэндома, который прислушивается к себе, отмечает новые свойства своей природы (вместо «гордыни и неумения прощать обиды» появляется «природная застенчивость и легко уязвимая чувствительность»), иной характер эмоций (на место раздражения, лицемерия, хитрости, простодушия приходит меланхолия, им руководит уже не негодование, а рассудок и благородные чувства), обретает цель [2, с. 131, 321].

Достаточно зрелый и мудрый, он замещает рассказ картинками, заполняя его портретами ('portraits'), социальными полотнами ('tableaux'), изображающими фрагмент реальности «в режиме стоп-кадра» (сцены в фургоне, тюрьме, на борту корабля), «движение приостановленное, но не прекращенное» (Дж. Бизли, 1998), представляя коллекции персонажей-чудаков (капитан Баулинг, первый помощник лекаря, валлиец Морган) и гротескных образов (псевдолекарь Ланчелот Крэб, капитан Уизел, капитан Уифл, мисс Снэппер), которые, то смешат, то настораживают, заставляя и улыбаться, и вздрагивать [2, с. 41, 71–72, 245, 403; 9, p. 41]. Родрик Рэндом умеет описывать не только индивидуальности ('Her head, indeed, bore some resemblance to a hatchet, the edge being represented by her face; but she had a certain delicacy in her complexion, and a great deal of vivacity in her eyes, which were very large and black...'), костюмы ('... our new commander came on board in a ten-oared barge, overshadowed with a vast umbrella, ... being a tall, thin, young man, dressed in this manner: a white hat, garnished with a red feather, adorned his head, from whence his hair flowed upon his shoulders, in ringlets, tied behind with a ribbon. His coat, consisting of pink-coloured silk lined with white, by the elegance of the cut retired backward, as it were to discover a white satin waistcoat embroidered with gold, unbuttoned at the upper part to display a brooch set with garnets...'), предметы, но и хорошо передавать речь персонажей (жаргон моряков, юристов) ('You and your dogs may be damn'd; I suppose you'll find them with your old dad, in the latitude of hell. Come, Rory – about ship, my lad, – we must steer another course, I think'), которая часто дополняет его визуальные портреты [18, p. 157, 111, 48; 2, с. 547; 9, p. 43, 57].

Оценочные, живописные характеристики говорят о наблюдательности, живости характера Родрика Рэндома, который, благодаря своей врачебной профессии, «исследует и ставит диагнозы» (Р. Шнайдер, 2013). Он «не лишен вкуса», весьма образован, «значительно умнее большинства тех, с кем ему приходится сталкиваться» (В. Н. Шейнкер, 1957), знает языки (итальянский, французский, латынь, греческий), литературу, может с легкостью судить о классических текстах (отрывок из «Иерусалима» Тассо), сочинять стихи, цитировать Гомера, Анакреонта, Мильтона, Шекспира [16; 2, с. 280–282, 333–334, 516, 524; 5, с. 28]. Не случайно его путь исследователи оценят как «путешествие из темных веков к просвещению» [13, р. 10]. Сумев сохранить персональную идентичность, обрести социальную идентичность, Родрик вернется к точке отчета, которая станет «не движением к прежнему состоянию, а формой «восстановления географической идентичности» (Е. Said), долгое время находившейся под угрозой утраты [13, р. 10]. И хотя он совершит возвращающийся круг в Шотландию, последняя глава (LXIX) окажется прямой противоположностью первой, где слезы страданий и обид уступят место радости и счастью, однако едва ли можно утверждать, что на этом его невзгоды исчерпаны. Изображая мир как подвижные, не останавливающиеся качели, а себя и как героя, и антигероя, автор мемуаров и вчерашний искатель успеха может лишь надеяться, что жизнь его будет стабильной ('... I hope will produce something to crown my felicity') [18, р. 196].

Библиографические ссылки

1. Падуцева Е. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы / Е.В. Падуцева // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 54. – № 3. – 1995. – С. 39–48.
2. Смоллет Т. Приключения Родрика Рэндома / Т. Смоллет; пер. А. В. Кривцовой. – М. : Худож. лит., 1949. – 552 с.
3. Тесля А. А. Документальная проза: проблема и история жанров / А. А. Тесля. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/pdf/teslia_nonfiction.pdf
4. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 352 с.
5. Шейнкер В. Н. Роман Тобайаса Смоллета «Приключения Родрика Рэндома» / В. Н. Шейнкер // Ученые записки Мурманского гос. пед. ин-та; под ред. З. А. Виткова. Том 1. – Мурманск : Изд-ние Мурман. гос. пед. ин-та, 1957. – С. 23–62.
6. Baker E. A. The History of the English Novel, Intellectual Realism: From Richardson to Sterne / E. A. Baker. – Lnd., N.Y. : H. F. & G. Witherby Ltd., Barnes and Noble, 1937. – 298 p.
7. Beasley J. C. Novels of the 1740s / J. C. Beasley. – Athens : The University of Georgia Press, 1982. – 238 p.
8. Beasley J. C. Smollett's Art: The Novel as 'Picture' / J. C. Beasley // The First English Novelists: Essays in Understanding; edited by J. M. Armistead. – The University of Tennessee Press, 1985. – P. 143–158.
9. Beasley J. C. Tobias Smollett: Novelist / J. C. Beasley. – Athens, Lnd. : The University of Georgia Press, 1998. – 259 p.
10. Boege F. W. Smollett's Reputation as a Novelist / F. W. Boege. – Princeton, N. Y. : Princeton University Press, 1947. – 175 p.
11. Bouce P.-G. The Novels of Tobias Smollett / P.-G. Bouce; translated by A. White. – Lnd, N. Y. : Longman, 1976. – 406 p.
12. Goldberg M. A. Smollett and the Scottish School. Studies in eighteenth-century thought / M. A. Goldberg. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 1959. – 191 p.
13. Noirard St. Circle, pyramid and mirror. 'Roderick Random' and the question of form / St. Noirard // Cercles, Occasional Papers Series. – 2010 – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cercles.com/occasional/ops2010/noirard8.pdf>
14. Preston Th. R. Not in Timon's Manner. Feeling, Misanthropy, and Satire in Eighteenth-Century England / Th. R. Preston // Studies in Humanities. Literature. # 9. – Alabama: The University of Alabama Press, 1975. – P. 69–120.
15. Probyn Cl. T. English Fiction of the Eighteenth Century 1700–1789 / Cl. T. Probyn. – Lnd., N. Y. : Longman, 1987. – 244 p.

16. *Schneider R.* Possessed: Embodiment, Circulation, and Subjectivity in ‘Robinson Crusoe’, ‘Roderick Random’, and ‘Rob Roy’ / R. Schneider [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ir.library.oregonstate.edu/xmlui/bitstream/handle/1957/39973/SchneiderRebeccaL2013.pdf?sequence=1>

17. *Skinner J.* Constructions of Smollett: a study of genre and gender / J. Skinner. – Newark, Lnd. : University of Delaware Press, 1996. – 267 p.

18. *Smollett T. G.* The Adventures of Roderick Random / T. G. Smollett // The Works of Tobias Smollett / ed. by D. Herbert. – Lnd. & Edinburg, 1878. – P. 41–196.

Поступила в редколлегию 16.03.2016 г.